

Шестнадцать лет спустя

Гора Алого Золота

Горные склоны тонули в клубах тумана и плывущих облаках. Сквозь эту молочную пелену, оседлав парящие мечи, стремительно мчались юноши в белоснежных одеждах — их полет походил на яркие росчерки серебряных молний.

— Ой-ой-ой, горячо! Горячо-то как! Кожу сдирает!

Кричал юноша лет пятнадцати в изящном золотом венце. Звали его Юэ Тинфан. По всему было видно, что это изнеженный молодой господин из благородного рода, однако сейчас он поморщился от боли, а от ладони валил легкий сизый дымок. Выглядел он весьма плачевно.

Стоило ему на мгновение коснуться скалы, как он едва не лишился пальцев. Отчаянно тряся обожженной рукой, юноша предупредил летящего рядом товарища:

— Уцюзэ, к камням даже не притрагивайся! Эта вулканическая порода прямо-таки проклята.

Поспешно натянув перчатки из ледяного шелкопряда, он во все горло крикнул остальным:

— Братья-соученики, не забывайте про защитные рукавицы! И берите камни осторожно, без спешки!

— Перчатки подождут, сначала мазью помажь, — отозвался летящий рядом юноша. Извлекши из-за пазухи глиняный флакончик, он язвительно добавил: — Я взял с собой всего одну склянку, так что расходуй экономно. Если найдется еще один такой же остолоп, вторую я тебе из воздуха не сотворю.

Насмешливый попутчик был облачен в такую же строгую ученическую мантию Дворца Небесного Предела. Высокий пучок на голове скреплял скромный серебряный венец. Облик его казался простым и неброским, однако лицо поражало своей безупречной, утонченной красотой. Когда юноша улыбался, его лик словно озарялся нежным очарованием весенних персиков и прохладой осенней луны. Дворец Небесного Предела никогда не испытывал недостатка в красивых учениках — большинство из них были статны и благородны, точно вековые сосны, однако этот юноша выделялся среди всех. Его красота была не возвышенно-бессмертной, а скорее пленительной, граничащей с лукавым очарованием демонического духа.

Жаль только, что под этой маской утонченного совершенства скрывалась душа настоящего смутьяна и сорвиголовы. Юй Уцюзэ имел лишь четыре главных увлечения в жизни: гонять кур, дразнить собак, пугать уток и преследовать гусей. Понятие «покой» в его личном словаре отсутствовало напрочь, из-за чего вся школа не знала ни минуты мирной жизни.

Юэ Тинфан послушно протянул руку, но все же проворчал:

— Хватит ворчать, я ведь о вас же заботился! Ой! Щиплет-то как! Прекрати давить нарочно!

— Ну и неженка, разве это рана? Сразу видно, тебя никогда не охаживали бабушкиной хворостиной. Будешь и дальше скулить — начну звать тебя Неженкой Юэ!

— Когда тебя колотила бабушка Гуань Ся, ты орал куда громче моего! Ой! Да полегче ты, Уцюэ!

Обычное нанесение мази превратилось в шуточную потасовку. Переругиваясь, двое юношей зависли у самого обрыва, выковыривая духовные камни из расселин. Шум они подняли такой, что другие младшие ученики, опасаясь попасть под горячую руку, благоразумно отлетели подальше. Лишь Лин Сяо решительно вклинился между буями и растащил их в стороны, точно нашкодивших цыплят.

— Старший мастер Му Цинцзюнь сотню раз предупреждал: ни в коем случае не касайтесь скал голыми руками! — запричитал он. — Стоит получить ожог — и в лучшем случае лицо изуродуешь, а в худшем выжжешь каналы меридианов. Наденьте перчатки! И вообще, сколько можно дурачиться?

Вся внушительность, подобающая старшему соученику, таяла без следа из-за мягкого характера и неистребимой привычки Лин Сяо поворчать. Впрочем, сам он ничуть не сердился. Сорвав пучок целебной травы, росшей прямо в расщелине скалы, он растёр сочные стебли в ладонях и без лишних церемоний шлёпнул зелёную кашицу на обожжённые руки приятелей.

— Ну и манеры у тебя, А-Сяо, — брезгливо поморщился Юй Уцюэ. — Стоп, а мне-то зачем мазать? Не надо, у меня все цело!

— Никакого уважения к старшим! Я на два года старше тебя, так что зови меня старшим братом, — Лин Сяо шутливо отвесил ему подзатыльник, продолжая бубнить: — Уцюэ, веди себя смирно. Одно дело руки-ноги обжечь, но если ты лицом в эту скалу впечататься...

Юэ Тинфан фыркнул:

— И то верно. Потеряешь смазливую мордашку — у кого потом будешь выпрашивать сладости? Старшие сестрицы тебя и на порог не пустят.

Уцюэ взвесил на ладони добытый духовный камень и с невозмутимым видом отозвался:

— Даже если мое лицо покроется шрамами, я все равно останусь первым красавцем Дворца Небесного Предела.

— Ну и бесстыдник! Какая поразительная наглость!

— Тихо вы, прекратите немедленно...

Подурачившись еще немного, юноши наконец вернулись к делу. До Собрания Облачных Вершин оставалось всего три месяца, и времени у них почти не было.

Это торжество проводилось во Дворце Небесного Предела раз в четыре года и служило для отбора личных преемников. На столь грандиозное событие съезжались представители почти всех именитых орденов и школ Поднебесной. Разумеется, хозяева должны были подготовить щедрые дары — редкие артефакты и драгоценные снадобья, чтобы преподнести их гостям в знак почтения.

Хотя внешние склоны Горы Алого Золота изобиловали самородками и редкими травами, собрать подарки для такого множества гостей было делом непростым. К работе привлекли едва ли не всех послушников, не участвовавших в отборе. Выходцы из знатных кланов, чьи родственники должны были прибыть на торжество, занимались подготовкой к приему гостей. Те же, у кого за спиной не стояло влиятельной семьи, вроде юного Юй Уцюэ, получили самую тяжелую, черную работу.

Юэ Тинфан, будучи приемным сыном настоятеля Обители Высшей Чистоты, имел весьма благородное происхождение и вполне мог бы бездельничать в стороне. Однако они с Уцюэ были не разлей вода, и Тинфан просто не мог позволить другу надрываться в одиночку, а потому упрямо увязался за ним.

— Я слышал, старейшины клана Лин из Цичжи уже прибыли к подножию горы, — поинтересовался Юэ Тинфан. — Брат Сяо, почему ты не пошел встречать своих?

— Моя сестра Лань очень предусмотрительна, она обо всем позаботится без меня, — ответил Лин Сяо. Он как раз бережно обнюхивал свежесрезанный пламенный линчжи, прежде чем аккуратно опустить его в плетеную сумку. Ткнув Тинфана локтем в бок, он заговорщически подмигнул: — Матушка привезла кучу гостинцев из наших краев. Я припрятал для вас по доле.

Юй Уцюэ тут же подлетел ближе:

— И для меня тоже найдется?

— Само собой, как я мог тебя обделить? — улыбнулся Лин Сяо и легонько оттолкнул его любопытную голову. — Давай, за работу. Выполни все, что поручил старший мастер Му Цинцзюнь, а после ужина зайди к сестре Лань — она все передаст.

В нынешнем мире совершенствующихся существовало множество различных направлений, однако главными считались четыре пути: Меч, Заклинания, Артефакты и Целительство. Клан

Лин из Школы Укрощения Духов в Цичжи издавна славился мастерством подчинения зверей. И хотя их род нельзя было назвать великим, обоих детей семьи Лин еще в раннем детстве отправили на обучение во Дворец Небесного Предела. Старший брат, Лин Сяо, избрал стезю целительства, а младшая сестра, Лин Лань, посвятила себя искусству магических техник. Оба отличались выдающимся талантом и прилежанием, снискав искреннее расположение наставников. Поговаривали даже, что глава целителей, Истинный человек Юнлэ, давно наметил Лин Сяо в свои личные преемники, а всеми уважаемый старейшина Кайян, ведающий обучением техникам, души не чаял в Лин Лань.

Будучи главными претендентами на звание личных учеников, брат с сестрой невольно возвысили и свой клан. Теперь многие мелкие школы и ордена искали дружбы с семьей Лин, надеясь заручиться поддержкой будущих столпов Дворца Небесного Предела.

— Отбор на носу, времени у тебя в обрез, а ты вместо тренировок помогаешь нам ковыряться в камнях, — хихикнул Юэ Тинфан. — Признайся, брат Сяо, Истинный человек Юнлэ уже неофициально утвердил твою кандидатуру?

— Помолчи лучше, болтун, — Лин Сяо в шутку зажал ему рот ладонью. — Один из гостей, прибывающих на собор, страдает от застарелого недуга. Он обратился к моему наставнику за помощью, а долг хозяев — проявить радушие и исцелить страждущего. Ради этого я и собираю травы. К тому же за вами, сорванцами, нужен глаз да глаз. Вот я и вызвался помочь мастеру Му Цинцзюню присмотреть за порядком.

Юэ Тинфан сокрушенно вздохнул. Не успел он вымолвить ни слова, как Юй Уцюэ шумно вторил ему еще более скорбным вздохом.

Лин Сяо с удивлением посмотрел на них:

— И о чем же вы так горюете?

— Из-за возраста нас не допустили к собору. А к следующему разу... — Юй Уцюэ недовольно надул губы. — Мне ведь стукнет уже девятнадцать!

Юэ Тинфан подхватил его мысль:

— Вот именно. Другие в девятнадцать лет уже всю щеголяют в статусе личных преемников, постигают высшие техники и спускаются с гор, чтобы совершать подвиги в одиночку. А мы безнадежно отстанем.

Юй Уцюэ задумчиво протянул:

— На самом деле...

— Что? — спросил Тинфан.

— На самом деле, раньше или позже — не имеет значения. Даже если они будут учиться еще десять лет, им все равно ни за что не превзойти меня в искусстве создания марионеток!

— Да ну тебя! — Юэ Тинфан закатил глаза. — Хвастун несчастный!

Уцюэ весело рассмеялся и замолчал. На самом деле он был на год старше, чем считали окружающие — ему исполнилось не пятнадцать, а шестнадцать лет.

Бабушка как-то призналась ему, что он не родной ей по крови, а подкидыш. Чтобы уберечь ребенка от неведомых опасностей и дать ему спокойно вырасти, она убавила в его бумагах один год. Уцюэ с раннего детства отличался поразительной сообразительностью. Хотя старушка никогда не говорила об этом прямо, он давно догадался, что тайна его рождения весьма туманна, а потому твердо пообещал никогда никому не открывать свой настоящий возраст.

По правилам Дворца шестнадцать лет — как раз тот порог, когда допускают к отбору. Он вполне мог заявить о себе. Какой юноша не мечтает поскорее стать преемником почтенного мастера, перенять истинные знания, прославиться искоренением нечисти, снискать всеобщее уважение и вписать свое имя в историю? Однако сейчас ему оставалось лишь наблюдать за ровесниками со стороны и смиренно ждать еще четыре долгих года.

— Для идущих по пути Дао возраст — вещь второстепенная, — попытался утешить их Лин Сяо. — Потратьте это время на усердные тренировки. Вы оба стремитесь постичь искусство создания артефактов, так что внимайте наставлениям Истинного человека Чансы. Кстати, Тинфан, мастер Сюэ нередко хвалит тебя и отмечает твой редкий талант. Да и тебя, Уцюэ... Эй, чего ты кривишься?

Юй Уцюэ действительно часто поминали преподаватели, вот только при звуках его имени они обычно сокрушенно вздыхали и хватались за голову. О его проказах и бесчинствах ходила слава по всем академиям, и то, что он до сих пор окончательно не рассорился с наставниками, уже считалось великим достижением. О том же, чтобы кто-то из великих мастеров разглядел в нем скрытый гений, не приходилось и мечтать.

— В прошлом месяце я случайно спалил плавильную печь, — хмуро буркнул Уцюэ. — Мастер Чансы хотя и не заставил бабушку возмещать ущерб, но с тех пор запретил мне даже приближаться к мастерской. Если дело дойдет до выбора учеников, он на меня даже не посмотрит.

— Если ты перестанешь носиться по заднему двору, гоняя кур и собак, то к следующему отбору точно будешь среди первых, — улыбнулся Лин Сяо. — К тому же, разве ты мало вещей перепортил за эти годы? Наставник Чансы никогда всерьез не сердился на тебя. Напротив, созданные тобой сплавы и новые материалы пришлись по душе многим мастерам. Это действительно редкий дар.

Лин Сяо шутливо отвесил ему легкий пинок пониже спины:

— Все, довольно болтать, живо за дело! До вашего часа еще целых четыре года, рано унывать.

Они начали работу, когда трава еще блестела от утренней росы. К полудню, когда солнце поднялось в самый зенит, их плетеные мешки заметно потяжелели. Изнеженный Юэ Тинфан взмок от пота и взмолился о пощаде, жалуясь на невыносимую жажду. Гора Алого Золота была действующим вулканом, и зной здесь стоял удушающий. Опасаясь, что приятель схватит тепловой удар, Уцюэ без лишних слов пересыпал всю свою добычу в его мешок.

Тинфан удивленно уставился на раздувшуюся сумку:

— Если ты все отдашь мне, наставник снова решит, что ты бездельничал.

— Будто меня это когда-то волновало! — фыркнул Уцюэ. — Проваливай давай. Захвати мне из лагеря бутыль охлаждающего нектара росы, а я пока еще немного здесь покопаюсь.

— Уцюэ, если бы ты почаще молчал, цены бы тебе не было.

— Если сейчас же не уберешься, я тебя с обрыва скину!

Приняв заботу друга, Юэ Тинфан взвалил на плечи тяжелую ношу и вместе с Лин Сяо направился к лагерю. Перед уходом Лин Сяо долго и занудно наставлял Уцюэ: не бродить без дела, не хвататься за горячие камни и уж тем более не соваться наверх, ближе к жерлу вулкана. Уцюэ прилежно кивал, пропуская нравоучения мимо ушей, и едва силуэты приятелей скрылись в тумане, тут же устремился ввысь, отыскав уединенный скалистый уступ.

Устроившись поудобнее на мягкой траве, он закинул ногу на ногу и достал из рукава крошечную деревянную марионетку. Активировав её духовной силой, юноша отправил кроху собирать камни, а сам блаженно прикрыл глаза. Столь хитрый и легкий способ добычи следовало держать в тайне — наставники терпеть не могли его «лень» и непременно заставили бы переделывать все вручную.

Свежий горный ветерок приятно охлаждал кожу, разгоняя зной.

Вид с утеса открывался поистине завораживающий.

Вдоволь налюбовавшись горными далями, Уцюэ ощутил урчание в животе. Его взгляд тут же упал на росшее неподалеку причудливо изогнутое деревце.

Гора Алого Золота была пропитана чистейшей природной энергией, являясь одной из лучших заповедных обителей ордена. И пускай ее скалы дышали жаром, на них ухитрялись расти редкие травы и диковинные плоды. Когда Лин Сяо собирал свои снадобья, Уцюэ внимательно следил за ним, запоминая, какие растения безопасны. На ветках этого кривого дерева как раз покачивались крупные, налитые соком плоды — точно такие же, какими Лин Сяо только что набил свою сумку.

Уцюэ посмотрел на дерево.

«Один плод погоды не делает»

В конце концов, зануда Лин Сяо перечислил кучу запретов, но ни слова не сказал о том, что нельзя лакомиться здешними дарами природы.

Уцюэ выпустил тонкий росчерк ци, срезая спелый плод, и ловко поймал его на лету. Округлый фрукт был ярко-красным, покрытым тонкими бурыми прожилками. От него исходил странный, дурманивший аромат. Уцюэ нетерпеливо вонзил зубы в мякоть — брызнул сладкий сок, мгновенно наполнивший рот живительной влагой.

— О боги, как же вкусно! — зажмурился от удовольствия юноша.

Он сорвал еще несколько штук, решив приберечь угощение для Юэ Тинфана. Спрятав плоды за пазуху, Уцюэ улегся поудобнее и вскоре крепко уснул.

Однако за тайные удовольствия всегда приходится расплачиваться. Сон юноши прервал кошмар.

Ему привиделось, будто он барахтается нагишом в бушующем озере раскаленной лавы. Пятки нестерпимо жгло, дыхание превратилось в снопы искр, а тело плавилось, точно восковая свеча. В тот самый миг, когда он готов был окончательно раствориться в огненной жиже, чья-то ледяная рука бесцеремонно схватила его за макушку и выдернула из пекла.

От этого леденящего прикосновения Уцюэ резко распахнул глаза. Он тяжело дышал, лоб покрывала испарина. Но это был не просто испуг: юноша почувствовал, как в его теле бушует колоссальный поток первозданной духовной силы. Энергия буквально била через край, испаряясь с кожи горячим паром.

Отяжелевшая одежда неприятно липла к телу. Юноша принялся оттягивать ворот рубахи, тщетно пытаясь охладиться. Немного придя в себя, он понял: всему виной те самые диковинные плоды.

Чудодейственный фрукт не только на порядок поднял его духовные силы за считанные минуты, но и невероятно обострил все пять чувств. Мир вокруг наполнился звуками: Уцюэ отчетливо

слышал шелест падающих листьев на другом конце ущелья, хлопанье крыльев испуганной птицы в облаках и даже глухой рокот далеких подземных источников.

Это ощущение было захватывающим и пугающим одновременно.

Он прислушался к легкому дуновению ветра, скользящему по уступам, к крикам встревоженных птиц... И вдруг замер.

Каменный карниз под ним едва заметно содрогнулся.

Гора Алого Золота мелко подрагивала, словно от озноба. Из глубин земли доносился глухой, прерывистый гул, похожий на ропот просыпающегося исполина.

В этот момент чуткий слух Уцюэ уловил обрывки приглушенных голосов, долетавших сверху:

— Мой мешок почти полон, А-Нань. Давай поднимаемся к самому жерлу, там дело пойдет быстрее! Я еще снизу заметил, что у вершины все так и сияет самоцветами. Наверняка там самые ценные камни.

— Но ведь старший мастер Му Цинцзюнь строго-настрого запретил подниматься к вершине.

— Мастер запретил спускаться внутрь жерла, а мы просто покрутимся у самого края. Да не трусь ты! Сегодня защитный барьер почему-то отключен, когда еще нам выпадет такой шанс?

Юй Уцюэ мгновенно подобрался и вскочил на ноги. Он уставился на окутанную плотным туманом вершину горы. Двух глупцов не было видно за облаками, но их безрассудный план был ясен: они действительно вознамерились лезть к жерлу.

Между тем подземный гул нарастал с каждой секундой. Это определенно не было движением раскаленной лавы. Звук напоминал тяжелое, kloкочущее дыхание или яростный рык гигантского зверя, запертого в каменной темнице.

В недрах горы кто-то спал. И теперь этот «кто-то» просыпался.

— А-а-а-а! А-Нань, держи меня! Помоги! — донесся сверху отчаянный, полный ужаса вопль.

— Хватаю! Держу... О боже, я не удержу тебя-а-а!

— Вот же кретины! — выругался сквозь зубы Уцюэ.

Увернувшись от покотившегося сверху тяжелого валуна, он выхватил верный меч и, не теряя

ни мгновения, рванулся прямо сквозь облачную пелену к вершине.

<http://bllate.org/book/20165/2115203>